

№ 3 (44)
2018

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
М. А. Тулиглович,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель
главного редактора
А. Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь

А. А. Осадчий

Члены редколлегии:

Е. Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, доцент;
А. М. Баранов,
д-р юрид. наук, профессор;

Т. Б. Басова,
д-р юрид. наук, профессор;
А. С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор;

С. С. Безруков,
д-р юрид. наук, доцент;
В. А. Болдырев,
д-р юрид. наук, доцент;

С. И. Давыдов,
д-р юрид. наук, доцент;
В. В. Денисенко,
д-р юрид. наук, профессор;

А. Н. Древаль,
д-р юрид. наук, профессор;
Н. Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор;

И. С. Еремина,
д-р пед. наук,
канд. юрид. наук, доцент;

В. П. Камышанский,
д-р юрид. наук, профессор;
С. М. Кузнецова,
канд. юрид. наук, доцент;

В. Н. Лисица,
д-р юрид. наук, доцент;

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства

Андреев А.А., Салтыков К.Г. Юридические понятия «защита прав» и «охрана прав» в тексте судебного акта: терминологическое единство и дифференциация / 5

Уголовный процесс

Обвинников Ю.Г. Обжалование следователем указаний руководителя следственного органа: проблемы теории и практики / 10

Кокорева Л.В., Дульцев М.В. Наложение ареста на имущество: проблемы правоприменительной практики / 16

Попова Е.И. Отмена обвинительного приговора, вынесенного судом в особом порядке, при наличии сомнений в обоснованности обвинения, с которым согласился подсудимый / 21

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право

Никитенко И.В. Комплексный (междисциплинарный) подход в исследовании преступлений против порядка миграции населения / 26

Жестеров П.В. Уголовная ответственность юридических лиц в России и мире / 33

Лаптев Д.Б. О совершенствовании института конфискации имущества в уголовном праве России / 39

Лысак Н.В. Уголовная ответственность служащих потребительской кооперации по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года / 45

Долгиева М.М. Система преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты в Российской Федерации / 51

Рябченко О.Н. Порядок управления как объект уголовно-правовой охраны / 57

Лупырь М.В. Проблемы определения «иного имущества» как предмета преступления, предусмотренного статьей 174¹ УК РФ / 68

Галкин Д.В. Особенности криминального насилия в Дальневосточном федеральном округе: вопросы объективного анализа / 74

Административное право. Административный процесс

Дерюга А.Н., Ковалева И.В. Общественный контроль: историко-философский экскурс и законодательное закрепление понятия / 80

Н. Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;
И. В. Никитенко,
д-р юрид. наук, доцент;
Н. А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор;
В. Н. Шамаков,
канд. юрид. наук, доцент;
Н. Г. Шурухов,
д-р юрид. наук, профессор

Редактор
Е. Ю. Колобанова

**Компьютерная верстка
и дизайн**
А. В. Ковалёв

Корректор
Н. Б. Хохлова

**Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных
изданий, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты
диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени
доктора наук**

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
ПИ № ФС77-37942
от 5 ноября 2009 г.*

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 20.09.2018.
Дата выхода в свет: 28.09.2018.
Бум. офис. Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 17,7.
Тираж 300 экз. (1-й завод – 1–100 экз.)
Заказ № 23.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический
институт МВД России.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46–52–17
Тел./факс: (4212) 46–52–06

© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2018

Гришаков А.Г. Деятельность участкового уполномоченного полиции на административном участке с образовательной организацией: анализ основных обязанностей / **86**

Волженин В.В., Кулакова Т.Г. К проблеме доказывания вины по делам об административных правонарушениях, предусматривающих ответственность за нарушение антиалкогольного законодательства (ст. 20.20, 20.21 КоАП РФ) / **91**

Тюкалова Н.М., Шевцов А.В. Институт государственных закупок в России: история и современность / **96**

Цекунов С.О., Симакина И.А. Административно-правовые аспекты применения физической силы и боевых приемов борьбы сотрудниками полиции / **103**

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-розыскная деятельность

Мерецкий Н.Е., Курганникова Т.П. Современные возможности дактилоскопической идентификации в раскрытии и расследовании преступлений / **108**

Серебрянникова М.В., Серебрянников В.А., Кшевин В.С. Ведомственные нормативные акты, регламентирующие порядок формирования профессиональных компетенций сотрудников органов внутренних дел: криминалистический аспект / **114**

Моисеев Н.А., Новоселов Н.Г. Использование возможностей мобильных средств связи для установления фактических обстоятельств при раскрытии и расследовании преступлений / **121**

Ярошенко С.А., Лисовский Д.Г. Способы совершения преступлений в сфере освоения бюджетных средств при выделении субсидий на развитие сельского хозяйства / **127**

Чумаров С.А. О проблеме вынужденного причинения вреда охраняемым интересам при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / **131**

Наливайко Е.О., Кудряшов А.Б. Государственная фоноскопическая регистрация в Российской Федерации и ее использование в идентификации личности преступника: нормативно-правовой аспект / **135**

Климачков А.В. К вопросу о понятии оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства по делам о незаконном сбыте наркотических средств / **140**

Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право

Карпышев М.А. История становления международного коммерческого арбитража в Японии / **146**

Информация для авторов / 151

№ 3 (44)
2018

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief
M. A. Tuliglovich,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

Deputy Editor-in-Chief
A. N. Deryuga,
Doctor of Law, Associate Professor

Executive Secretary
A. A. Osadchy

Editorial staff:
E. Yu. Antonova,
Doctor of Law, Associate Professor;

A. M. Baranov,
Doctor of Law, Professor;

T. B. Basova,
Doctor of Law, Professor;

A. S. Bakhta,
Doctor of Law, Professor;

S. S. Bezrukov,
Doctor of Law, Associate Professor;

V. A. Boldyrev,
Doctor of Law, Associate Professor;

S. I. Davydov,
Doctor of Law, Associate Professor;

V. V. Denisenko,
Doctor of Law, Professor;

L. N. Dreval,
Doctor of Law, Professor;

N. N. Egorov,
Doctor of Law, Professor;

I. S. Eremina,
Doctor of Pedagogy,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

V. P. Kamyshanskii,
Doctor of Law, Professor;

S. M. Kuznetsova,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

V. N. Lisitsa
Doctor of Law, Associate Professor;

CONTENTS

Theory and history of law and state

Andreev A.A., Saltykov K.G. The legal concepts «security of rights» and «protection of rights» in the text of the judicial act: a terminological unity and differentiation / 5

Criminal procedure

Ovchinnikov Yu.G. Appeal of instructions by the investigator head of the investigative body: problems of theory and practice / 10

Kokoreva L.V., Dultsev M.V. Attachment of property: problems of law enforcement / 16

Popova E.I. Abolition of an accusatory sentence imposed by the court in a special order if there is doubt about the validity of the charges, which the defendant agreed / 21

Criminal law and criminology. Criminal-executive law

Nikitenko I.V. Complex (interdisciplinary) approach in the study of crimes against the order of migration of the population / 26

Zhesterov P.V. The criminal liability of legal entities in Russia and the world / 33

Laptev D.B. On the improvement of the institution of confiscation of property in the criminal law of Russia / 39

Lysak N.V. Criminal liability of employees of consumer cooperative society in criminal and correctional punishments code of 1845 / 45

Dolgieva M.M. System of crimes committed in the sphere of turnover of cryptocurrency in the Russian Federation / 51

Ryabchenko O.N. The order of management as an object of criminal law protection / 57

Lupyr M.V. The problems of determining «other property» as a crime subject to article 174¹ of the criminal code of Russia Federation / 68

Galkin D.V. Features of criminal violence in the Far Eastern federal district: issues of objective analysis / 74

Administrative law. Administrative procedure

Deryuga A.N., Kovaleva I.V. Public control: historico-philosophical research and legislative consolidation of the concept / 80

Grishakov A.G. Activities of the district police officer in the administrative area with an educational organization: an analysis of the main duties / 86

N. E. Meretsky,
Doctor of Law, Professor;
I. V. Nikitenko,
Doctor of Law, Associate Professor;
N. A. Shabelnikova,
Doctor of History, Professor;
V. N. Shmakov,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;
N. G. Shurukhnov,
Doctor of Law, Professor

Managing editor
E. Yu. Kolobanova

Typesetting and design
A. V. Kovalev

Proofreader
N. B. Khokhlova

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИ № ФС77–37942 of November, 5, 2009.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 20.09.2018.
Issue: 28.09.2018.
Format 60×84 1/8.
Size 17,7 printer sheets.
Circulation 300 copies.
(1–100 copies).
Order № 23. Free price.
Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia.
Editorial office.
Printing House.
15, Kazarmennyi pereulok,
Khabarovsk, 680020

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 46–52–17
tel./fax: (4212) 46–52–06

© Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, 2018

Volzhenin V.V., Kulakova T.G. The problem of proof of guilt in cases on administrative offences provides for liability for violation of anti-alcohol legislation (st. 20.20, 20.21 of the administrative code) / **91**

Tukalova N.M., Shevtsov A.V. The institute of public procurement in Russia: history and modernity / **96**

Tsekunov S.O., Simakina I.A. Administrative and legal aspects of application of physical force and military receptions of struggle against police employees / **103**

Criminalistics. Forensic expert activity. Operative search activity

Meretskiy N.E., Kurgannikova T.P. Modern possibilities of fingerprint identification in disclosure and investigation of crimes / **108**

Serebryannikova M.V., Serebryannikov V.A., Kshevin V.S. The departmental normative acts regulating the order of formation of professional competences of employees of internal affairs: criminalistics aspect / **114**

Moiseev N.A., Novoselov N.G. Use of mobile communication capabilities to establish factual circumstances in the disclosure and investigation of crimes / **121**

Yaroshenko S.A., Lisovsky D.G. Ways of committing crimes in the sphere of development of budgetary funds in the allocation of subsidies for the development of agriculture / **127**

Chumarov S.A. Concerning the problem of forced infliction of harm to legitimate interests during implementation of operational search activity / **131**

Nalivayko E.O., Kudryashov A.B. State phonoscopic registration in the Russian Federation and its use in identification of the offender: legal aspect / **135**

Klimachkov A.V. To the question about the notion of operational-investigative support of criminal proceedings in cases of illegal sale of drugs / **140**

Civil law. Business law. Family law. Private international law

Karpyshev M.A. International commercial arbitration historical formation in Japan / **146**

Information for authors / 151

УДК 343.3

ПОРЯДОК УПРАВЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Оксана Николаевна Рябченко, доцент кафедры Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: okt.wa@yandex.ru

В науке до сих пор не сложилось четкой концепционной позиции по вопросам общности мнений относительно проблемы объекта уголовно-правовой охраны гл. 32 УК РФ. В представленной статье автор попытается решить задачу правильного определения сущности и социально-правовой природы содержания объекта исследуемой группы преступлений. На основе множества представленных в научной литературе концепций сформулирован четкий вывод о том, что таким объектом выступает группа управленческих отношений, которые складываются между гражданами и органами власти по поводу реализации последними своих компетенционных полномочий.

Ключевые слова: управленческие отношения; порядок управления; объект преступления; причинение вреда объекту преступления.

THE ORDER OF MANAGEMENT AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

Oksana Nikolaevna Ryabchenko, chair associate professor of the Udmurt State University, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor

In science, there is still no clear conceptual position on the issues of common opinion on the problem of the object of criminal-legal protection of Chapter 32 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the presented article, the author will try to solve the problem of correctly determining the essence and socio-legal nature of the content of the object of the investigated group of crimes. On the basis of the set of concepts presented in the scientific literature, a clear conclusion is formulated that such an object is a group of managerial relations that are formed between citizens and authorities with regard to the exercise of their competence by the latter.

Keywords: management relations; the order of management; object of crime; causing harm to the object of the crime.

Наиболее значимой проблемой понимания и интерпретации преступлений против порядка управления можно считать проблему установления содержания родового объекта группы общественно опасных посягательств. В теории уголовного права вопрос о так называемой «вертикальной» классификации объектов преступлений вообще и о том, в частности, какой объект считать родовым, относится к разряду остро дискуссионных. Позволим себе без дополнительных аргументов присоединиться к тезису о том, что понятие родового объекта включает признаки, общие для объектов определенной группы преступлений, составы которых, как правило, закреплены в одной главе Особенной части УК РФ [9; 13, с. 212; 18, с. 54]. Как показывает историко-правовой анализ, у законодателя практически никогда не было четко сформулированной позиции на этот счет, свидетельством чему выступает весьма разнообразное и динамично меняющееся содержательное наполнение названной главы.

По-прежнему нет четких и ясных представлений по этому вопросу и среди практикующих юристов. Согласно проведенному нами опросу, 78 % респондентов испытывают затруднения

при понимании содержания порядка управления, 64 % высказали тезис о предпочтительности определения содержания данного объекта Пленумом Верховного Суда РФ*.

Наука также не демонстрирует единого подхода и серьезного внимания к решению проблемы. В конце 1970-х гг. П. П. Осипов справедливо констатировал, что сам вопрос о родовом объекте преступлений против порядка управления не был предметом глубоких научных исследований, дискуссии по этой проблеме не проводились на протяжении достаточно длительного периода времени, а авторы учебников по уголовному праву обходили молчанием эту тему [10, с. 398].

Положения, характеризующие содержание порядка управления как объекта преступлений, занимают в современных изданиях по уголовному праву несколько абзацев или страницу, не отличаются инновационным видением проблемы, во многом некритически воспроизводят известные ранее суждения.

Как следствие, можно констатировать, что определение объекта преступлений против порядка управления по-прежнему является нерешенной проблемой отечественной уголовно-правовой науки. Стремясь со своей стороны, по мере возможности, восполнить этот пробел и представить собственное видение содержания исследуемого объекта, для начала проведем мониторинг представленных в литературе научных позиций относительно порядка управления как объекта преступлений.

В современной науке уголовного права различают две области научных дискуссий: первая – об объекте преступлений против порядка управления и посягательств вообще, а вторая – о содержании порядка управления как о родовом объекте группы рассматриваемых преступлений.

В первом случае в основном говорят о том, что есть группа преступных посягательств, в которой присутствует в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны категория «порядок управления». Следует отметить при этом, что непростая история криминализации преступлений против порядка управления и достаточно противоречивый опыт их структурного обособления содействовали формированию подхода, при котором термин «порядок управления» используется для иносказательного определения отношений, поставленных под охрану в главе о должностных преступлениях.

Первая распространенная концепция заключается в том, что объект преступлений против порядка управления по своему содержанию не отличается от объекта должностных преступлений и представляет собой отношения, складывающиеся в сфере осуществления государственной и муниципальной власти. Одним из первых совершенно определено на этот счет высказался В. Д. Меньшагин. Ученый утверждал, что объект рассматриваемой группы преступлений очень похож на объект должностных преступлений; поэтому в тех случаях, когда посягательства на правильное функционирование (деятельность) государственного аппарата совершаются должностными лицами, использующими свое служебное положение, такую группу преступлений следует рассматривать как должностное преступление [28]. Поэтому правило прямого разграничения преступлений против порядка управления и должностных преступлений должно рассматриваться не с позиции объекта, а со стороны субъекта преступления (курсив наш – О.Р.). Тогда, в случае, когда частные лица нарушают правильную деятельность государственного аппарата, имеет место преступление против порядка управления; а в тех случаях, когда такое посягательство исходит от должностных лиц и прямо связано с использованием служебного положения должностного лица, то налицо должностное преступление [28].

* В опросе приняли участие 320 чел., в том числе 68 прокуроров, поддерживающих государственное обвинение в судах, 169 судей, специализирующихся на рассмотрении уголовных и административных дел, 83 преподавателя уголовного права и криминологии (опрос проводился с декабря 2017 по апрель 2018 г. в Москве, Ижевске, Казани).

Той же позиции придерживался и В. Ф. Кириченко. Анализируя в середине 50-х гг. XX столетия объект должностных преступлений, он указывал, что объектом выступают только такие общественные отношения, которые составляют содержание нормальной деятельности, т. е. соответствующей интересам коммунистического строительства, работы государственного аппарата по управлению Советским государством и социалистическим хозяйством [8, с. 17]. В этом автор солидаризировался с теорией Б. С. Утевского, согласно которой преступления должностных лиц есть преступления против интересов управления государством и народным хозяйством [35].

Позже, анализируя фактические управленческие преступления, В. Ф. Кириченко отметил, что посягательства на обычную деятельность советского государственного аппарата, которые совершаются должностными лицами, использующими свое официальное положение, рассматриваются советским уголовным законодательством как должностные преступления, такие же посягательства, совершенные не должностными лицами, а другими субъектами, представляют собой преступления против порядка управления. Поэтому преступные посягательства на одни и те же общественные отношения разделяются законодателем на две большие группы на основе специальных признаков, относящихся к характеристикам субъектов соответствующих преступлений [17, с. 3].

Вполне очевидно, что преступления против порядка управления лишаются качественной специфики, а характеристика их социальной направленности и общественной опасности отождествляется с характеристикой должностных преступлений. Это могло быть отчасти объяснено содержанием главы уголовного закона, который действовал в середине прошлого столетия, но не может быть признано приемлемым сегодня. С теоретической точки зрения такой подход входит в противоречие с распространенным в теории уголовного права убеждением, что главы Особенной части уголовного закона группируют посягательства именно по признаку общности объекта преступления.

Необходимо признать, что концепция В. Д. Меньшагина и В. Ф. Кириченко подвергалась критике и их современниками. В частности, Г. Ф. Поленов отмечал, что объект должностных преступлений намного шире объекта преступлений против порядка управления, последний выходит за рамки управленческих отношений, т. е. отношений, ограниченных сферой управления. В должностных проступках управленческие общественные отношения действуют только как неотъемлемая часть их общего объекта, то есть часть нормальной деятельности государственного аппарата. Поэтому в случае совершения должностных преступлений ущерб причиняется общественным отношениям в сфере государственного управления, здесь они также отличаются от преступлений против порядка управления, поскольку совершаются не частными, а должностными лицами [16, с. 9].

Однако при внешней критической направленности этой оценки точка зрения Г. Ф. Поленова содержит мало принципиальных отличий от оспариваемой концепции, поскольку, позиционируя объект преступлений против порядка управления как часть более широкого объекта должностных преступлений, автор все так же лишает управленческие отношения качественного своеобразия.

Необходимость четкого разграничения объектов должностных и управленческих преступлений, которая диктовалась соображениями научной классификации преступлений, систематизацией норм уголовного законодательства, заставляла специалистов искать и аргументировать иные подходы к определению сущности преступлений против порядка управления.

Выход из ситуации был найден в обосновании необходимости различать содержательную и формальную сторону процесса управления. Еще Б. С. Утевский предложил различать управление государством как деятельность должностных лиц и порядок управления как определенные общественные отношения, установленные в государстве [35]. Не углубляясь в обсуждение вопроса о справедливости противопоставления деятельности и общественных отношений,

обратим внимание на существенные особенности этой позиции: управление как деятельность отражает его содержательную сторону, управление как порядок – форму ее организации.

Эта идея была воспринята иными специалистами. Спустя тридцать лет после публикации Б. С. Утевского, П. П. Осипов писал, что нормальная деятельность и функционирование органов управления могут быть нарушены посягательством на различные, в том числе не связанные с управлением, отношения, поэтому необходимо различать отношения, возникающие в сфере управления, и само управление. Родовой объект преступлений рассматриваемой группы может быть признан не как «социальное управление», а в качестве определенной области управленческих отношений [10, с. 406].

Область управленческих отношений как внешняя форма выражения деятельности государственного аппарата вполне обособлена от других видов общественных отношений, возникающих в связи с детальным функционированием государственного аппарата, и была впоследствии включена в структуру объекта преступлений против порядка управления.

П. П. Осипов определил особенности рассматриваемых отношений, в частности то, что характерной чертой управленческих отношений является администрирование, т. е. субординационность. Один субъект занимает главенствующее положение и обладает функциями распорядителя, а другой субъект исполняет и подчиняется воле властвующего над ним. Управленческие отношения диктуют строгое соблюдение исполнителями законов, распоряжений и постановлений, в том числе основанных на них требований компетентных органов и их представителей.

Несмотря на то, что, согласно субъектному составу, рассматриваемые отношения подразделяются на несколько групп, но для целей исследования имеет значение только одна группа отношений – отношения между органами управления и гражданами [10, с. 397–398, 406].

Такой подход в наши дни к пониманию объекта преступлений против порядка управления можно считать наиболее распространенным. Его развернутую современную интерпретацию весьма подробно формулирует А. В. Лобанова. Она указывает, что категорию «управление», применительно к положениям гл. 32 УК РФ, следует понимать как управленческую деятельность различных ветвей публичной власти, за исключением судебной власти. Однако в процессе управленческой деятельности непременно возникают социальные связи в виде отношений двоякого рода. В первом случае отношения возникают между государственными и муниципальными органами, а также другими организациями, указанными в примечании 1 к ст. 285 УК РФ, с одной стороны, и должностными лицами этих органов и организаций, государственными служащими, служащими органов местного самоуправления, с другой стороны.

Причем А. В. Лобанова подчеркивает, что отношения, направленные на обеспечение соответствия оснований для возникновения и использования указанными лицами властных полномочий Конституции РФ и других законов, защищены и охраняются положениями гл. 30 УК РФ, а в объект гл. 32 УК РФ включены урегулированные нормами уголовного права отношения второго рода, они складываются между государством в целом, государственными или муниципальными органами, а также их представителями, с одной стороны, и управляемыми ими гражданами – с другой. В своей совокупности такие отношения образуют систему правоотношений, при которой происходит взаимодействие между управляющими субъектами и подвластными лицами. Автор подчеркивает, что отношения обладают ключевыми признаками в виде проявления должного уважения подвластных лиц к носителям, атрибутам и символам государственной власти, а также таким признаком, как беспрекословное подчинение граждан законным требованиям органов и представителей государственной власти, в том числе наличием необходимых «условий для безопасного осуществления властвующими своих управленческих функций, а равно соблюдением установленных законом форм реализации гражданами прав и законных интересов» [12, с. 102].

Такое понимание сущности и содержания объекта преступлений против порядка управления представляется наиболее убедительным и для большинства опрошенных нами практикующих юристов (78%). Показательно, что 15% респондентов не смогли определиться с оценкой рассматриваемой концепции и только 7% признали ее неубедительной.

Понимание объекта преступлений против порядка управления через призму отношений, которые складываются между управленцами, т. е. представителями государства, и управляемыми, т. е. частными лицами, представлено сегодня в значительной части научных работ и учебных пособий [22, с. 68–84]. Большинство специалистов считают, что к объектам преступлений против порядка управления относится группа отношений между, с одной стороны, субъектами в лице государства, органов власти и управления и, с другой стороны, гражданами по поводу осуществления первыми социального управления, как правило, выраженного через строгую иерархию отношений «власть – подчинение», где имеют место распорядительные и административные функции, а также властность управляющего субъекта над управляемыми гражданами, где возникает дисциплинированность вторых [11, с. 208; 14, с. 6; 29, с. 37; 30, с. 665].

Некоторыми авторами порядок управления понимается как совокупность правил, реализующих и закрепляющих устройство, порядок и компетенцию деятельности органов государственной власти (и управления), в их отношениях между собой и гражданами [4, с. 5].

Однако понимание порядка управления через свод нормативных правил, восходящих к пониманию объекта преступления как правовой нормы, не получило поддержки и распространения в отечественной уголовной науке [15, с. 9; 18, с. 40–41; 22, с. 68–84]. Подчеркнем, что такая трактовка порядка управления не находит поддержки и у современного правоприемителя: согласно проведенному опросу, ее допустили лишь 12% респондентов.

Другая точка зрения считается наиболее распространенной, ее поддерживают 57% принявших участие в опросе практикующих юристов. Приверженцы этой концепции отождествляют порядок управления с «нормальной», «правильной» деятельностью, регламентированной Конституцией РФ и нормативными актами государственного аппарата [20, с. 652; 32, с. 230; 33]. Попытаемся проанализировать этот подход в критическом ключе, обратив внимание на несколько существенных моментов.

Считаем целесообразным указать на недопустимость использования прилагательных «правильный» и «нормальный» для качественной характеристики деятельности органов государственного управления как объекта рассматриваемой группы преступлений. Является вполне очевидным, что если добавить указание на качественные характеристики деятельности органов управления в содержание объекта преступлений против порядка управления, мы поставим себя перед закономерной необходимостью постоянно доказывать, что преступным посягательством на охраняемые управленческие отношения нарушен именно «правильный» и «нормальный» характер деятельности. В этом случае, квалифицируя деяние, судебные органы будут вынуждены давать качественную оценку деятельности органов государственного аппарата, а это явно выходит за рамки предоставленных суду полномочий. Тем более, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» Верховный Суд как высшая судебная инстанция отказался от использования *оценочных признаков* при формулировании объекта должностных преступлений, указав только, что деяния должностных лиц «посягают на регламентированную нормативными правовыми актами деятельность» государственных органов и иных официальных структур власти.

Также считаем целесообразным уточнить круг субъектов управления, которые охраняются нормами гл. 32 УК РФ. Примечательно, что в юридической литературе часто встречаются высказывания о том, что гл. 32 УК РФ охраняет порядок государственного управления [7, с. 39; 20, с. 652] либо государственного и муниципального управления [11, с. 208; 34]. Некоторые специалисты в дискуссии о характеристике объекта преступлений против порядка управления

сужают спектр субъектов управленческой деятельности до органов исполнительной власти, предлагая даже переименовать соответствующим образом гл. 32 УК РФ [1, с. 65; 31, с. 659], тогда как другие специалисты, наоборот, включают в объект и негосударственные субъекты управления, такие как общественные объединения, учреждения и др. [16, с. 8; 21, с. 10].

Специалисты различают государственное управление в широком и узком смысле. В широком смысле под государственным управлением понимается деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, общественных, иных государственных и негосударственных организаций, уполномоченных на осуществление государственно-властных функций. При таком понимании функция государственного управления находится в компетенции, то есть в определении целей и планировании деятельности органов, в организации работы, в координации и стимулировании деятельности исполнителей, в учете и контроле за исполнением [2; 6].

В узком смысле понятие государственного управления является исполнительной и административной деятельностью, которая имеет функциональную и компетентностную специфику, что отличает ее от других видов (форм) осуществления государственной власти.

Отдельные авторы определяют государственное управление, осуществляемое исполнительными органами власти, как государственно-административное (или административное) управление, тем самым отграничивая от государственного управления в широком смысле [5; 3].

Обращение к мнению практикующих юристов показало, что подавляющая их часть (86 % респондентов) усматривает в управлении деятельность государственных и муниципальных структур, 10 % – только государственных органов, и лишь 4 % склонны допустить наличие в объекте преступлений, предусмотренных гл. 32 УК РФ, управляющей деятельности общественных организаций.

Для поставленной цели характеристики объекта преступлений против порядка управления решение вопроса о субъектах управленческой деятельности является вполне принципиальным, так как оно напрямую связано с двумя ключевыми чертами российской правовой системы: *организацией государственной власти и исходным пониманием признака противоправности преступления.*

Содержание основ конституционного строя России изложено в гл. 1 Конституции РФ. Признавая единственным источником власти в стране народ, Конституция РФ в ст. 3 закрепляет тезис о том, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через систему органов государственной власти и органы местного самоуправления; ст. 10 Конституции РФ закрепляет, что государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную; ст. 12 Конституции РФ исключает органы местного самоуправления из системы органов государственной власти; ст. 13 и 14 Конституции РФ определяют, что общественные и религиозные объединения отделены от политики и практики управления [22, с. 68–84]. Поэтому, исходя из предписаний Основного закона, принято различать самоуправление народа через референдум и систему органов местного самоуправления и «внешнее» управление народом через систему созданных им же органов государственной власти; управление в масштабах определенной территории (субъект Федерации и муниципальное образование) и управление внутри общественных объединений. Отсюда следует, что государственное управление рассматривается только как деятельность органов государственной власти, причем всех ее ветвей – законодательной, исполнительной и судебной, в масштабах страны в целом или субъекта Федерации.

Однако при таком подходе к рассматриваемой группе преступлений достаточно солидный блок управленческих отношений в сфере реализации муниципального уровня власти останется без надлежащей правовой охраны, что считаем недопустимым. По этой причине муниципальное управление должно быть включено в содержание объекта преступлений, предусмотренных гл. 32 УК РФ.

Раздел X Уголовного Кодекса Российской Федерации содержит внутреннее противоречие, когда провозглашает охрану *государственной власти* и в гл. 30 УК РФ ставит под охрану отношения не только в сфере реализации государственной власти и службы, но и в области муниципальной службы. Поэтому для правильного толкования и применения норм об уголовной ответственности за преступления рассматриваемой группы, а также для упорядочения исходной ситуации необходимо и представляется вполне оправданным распространить понятие «*порядок управления*» на отношения в области и государственного, и муниципального управления и изменить название разд. X Уголовного Кодекса Российской Федерации на «Преступления против государственной и муниципальной власти».

В плане установления истины в содержании объекта преступлений против порядка управления, с нашей точки зрения, наиболее перспективными научными концепциями по-прежнему считаются те, в которых полностью не отождествляются понятия «порядок управления» и «родовой объект преступлений гл. 32 УК РФ». Некоторые специалисты используют при этом категорию «общественные отношения». А. Р. Саруханян указывает в своих работах, что нормальная управленческая деятельность органов государственной власти и местного самоуправления не отражает всего содержания конкретного объекта преступлений против порядка управления в связи с тем, что видовой объект посягательств гл. 32 УК РФ определяется автором как совокупность общественных отношений, обеспечивающих законное установление и регулирование государством порядка в сфере осуществления управления [26, с. 14–15]. По тому же пути идут Л. А. Прохоров и М. С. Жук, они пишут, что общественные отношения в сфере обеспечения законной деятельности являются видовым объектом преступлений против порядка управления и эта группа общественных отношений находится в сфере осуществления управленческих функций федеральными и региональными органами государственной власти и органами местного самоуправления [19, с. 774]. Здесь объектом преступлений являются *обеспечительные отношения*, возникающие по поводу порядка управления; в данном случае сам порядок управления понимается как некое правовое благо. При этом, структура этих отношений раскрывается через их описание, в данном случае через возникающие между субъектами связи в виде возможностей и конкретной деятельности, и отдельных предметов управленческой деятельности, по поводу которых возникают эти связи или которые демонстрируют эту связь.

В содержательном отношении близкий подход содержат работы юристов, опирающихся на категорию «организационная система управления» в установлении содержания объекта преступлений, предусмотренных гл. 32 УК РФ. Как пишут Б. Ш. Сандамиров и А. А. Розикзада, к видовым объектом преступлений против порядка управления относится организационная система управления, обеспечивающая функционирование исполнительной власти [25, с. 105].

Тот же подход использовался нами в предыдущих работах, посвященных анализу преступлений, связанных с посягательством на предметы управленческой деятельности. Следуя теории государственного управления, в рамках организационной системы (структуры) государственного управления (далее – ОСГУ) нами было предложено понимать особый государственно-правовой феномен, который формирует аппарат государственной власти и реализуется посредством отношений «власть – подчинение», обусловленных социально-политическим характером, социально-функциональной ролью, целями и содержанием государственного управления в обществе.

Первым крупным составляющим элементом ОСГУ являются субъекты управления – органы государственной власти, к ним относятся сотрудники правоохранительных и надзорных органов, на них возложены функции борьбы с правонарушениями и обеспечения законности; а также должностные лица, осуществляющие законодательную и исполнительную власть, органы местного самоуправления, наделенные административными полномочиями (представители органов власти) в порядке, установленном законом.

Вторым основополагающим признаком ОСГУ является *властность отношений, которая характеризуется через легитимность власти, отражающей активный, государственный и юридически-властный характер указанных субъектов; осуществляют функции и полномочия, которые выражаются в сознательных и бессознательных действиях.*

Третий элемент – это организационные ресурсы. Этот элемент, как и первые два элемента ОСГУ, имеет сложную структуру. В Уголовном кодексе РФ отражена только его часть, а именно предметы, через которые обеспечивается система управления и реализация отношений «власть – подчинение» [23, с. 155–159; 24, с. 15–31].

Изучение проблемы и ее анализ показывают, что между концепциями «управление – это отношение» и «управление – это организационная система» отсутствуют принципиальные расхождения. На основе применения системно-структурного метода, как в первом, так и во втором случае, раскрываются внутренние особенности тех подчиненных (субординационных) связей, которые возникают между государственной и муниципальной властью и гражданами. Таким образом, организационная система управления вполне может быть определена как общественные отношения, обеспечивающие надлежащее функционирование государственных органов.

Одной из первостепенных особенностей управленческих связей между гражданами и субъектами управления является специфический статус органов государственной и муниципальной власти. Органы государственной и муниципальной власти созданы и функционируют на основе нормативных правовых актов. Эти акты воплощают суверенную волю народа. Такие органы, уже в силу суверенитета самого государства, наделены по отношению к населению определенными авторитетными полномочиями (и в этом отношении подчиняют себе деятельность граждан). Именно поэтому в соответствии с положениями гл. 32 УК РФ поставлены под охрану отношения между уже функционирующими руководящими органами и гражданами по поводу исполнения этими органами своих полномочий.

Иерархия, властность и субординация, основанные на признании авторитета и легитимности системы государственного управления, – именно эти ключевые характеристики должны быть свойственны отношениям между государственным аппаратом и гражданами, и именно эти отношения должны подлежать уголовно-правовой охране в качестве самостоятельного объекта преступлений против порядка управления. Охрана этих свойств властно-распорядительной деятельности государственных и муниципальных органов – главное предназначение норм гл. 32 УК РФ.

Такая особенность имеет правовую основу, где возможности государственного и муниципального управления предопределены через суверенитет Российской Федерации (ст. 3, 4 Конституции РФ), независимость государственных органов (ст. 10 Конституции РФ), а органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ).

Также обязательность управленческих решений подтверждается в ряде специальных законов, которые непосредственно определяют статус и полномочия органов: на федеральном уровне провозглашается, что постановления и распоряжения Правительства РФ обязательны к исполнению в Российской Федерации; требования (запросы, представления, предписания) уполномоченных должностных лиц полиции, заявленные в пределах ее полномочий, обязательны для исполнения всеми государственными и муниципальными органами, организациями, должностными лицами и иными лицами; постановления по делу об административном правонарушении общеобязательны для исполнения; обязательны к исполнению требования прокурора, сотрудников Следственного комитета, решения и предписания антимонопольного органа, решения и требования должностных лиц органов государственного земельного надзора, работников ведомственной охраны, должностных лиц контрольно-счетных органов, Банка России, таможенных органов и их должностных лиц и др.

Эти предписания соответствуют общим принципам организации и деятельности государственной и муниципальной службы, призванной гарантировать надлежащее исполнение субъектами управления их служебных и профессиональных обязанностей. Такие принципы устанавливаются в ст. 3 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации». Это единство правовых и организационных основ гражданской службы, взаимосвязь отношений между государственной службой и муниципальной службой, защита гражданских служащих от чрезмерного вмешательства в их профессиональную деятельность государственных органов и должностных лиц, а также физических и юридических лиц. Принципы государственной гражданской службы, определенные в ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной службе Российской Федерации», также включают, помимо прочего, требования к стабильности государственной службы и защиту гражданских служащих от чрезмерного вмешательства в их профессиональную деятельность. Принципы стабильности службы, правовой и социальной защиты работников являются отправной точкой для организации муниципальной службы (ст. 4 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»).

Представленные нормативные акты говорят о независимом характере государственного и муниципального управления, что не только подтверждает обязательность исполнения постановлений, законных требований и распоряжений органов власти и управления, но также демонстрирует правовую защиту системы управления от несанкционированных внешних воздействий, тем самым подтверждая ее высокий статус и авторитет. Вот почему эти ценности следует использовать в качестве основы для определения объекта преступлений против порядка управления.

Некоторые специалисты подтверждают выдвинутый нами тезис. Так, по мнению Е. А. Сухарева, к преступлениям данной группы относятся только такие посягательства, которые нарушают обычную деятельность государственного аппарата или общественных организаций при активном воспрепятствовании должностным лицам или представителям общественности по выполнению последними возложенных на них обязанностей или при совершении других действий, ослабивших авторитет власти [34, с. 349].

Б. Я. Яценко также считает, что преступления против порядка управления противодействуют нормальной управленческой деятельности государственных и муниципальных органов власти, в том числе ослабляют авторитет государственных органов, наносят ущерб интересам граждан [27, с. 447].

По мнению Н. К. Рудый, преступления против порядка управления являются деяния, связанные с насильственными действиями в отношении властей, с противодействием их деятельности, несоблюдением законов или других нормативных правовых актов, тем самым наносящие ущерб порядку государственного управления [21, с. 10].

Таким образом, вполне обоснован тезис о том, что преступления против порядка управления противодействуют работе государственных органов и подрывают их авторитет. Это нашло поддержку у 93 % респондентов.

Руководствуясь вышесказанным, считаем целесообразным внести разъяснения в существующую систему научных знаний об объекте преступлений против порядка управления: *в объект включены общественные отношения, которые формируются между гражданами и государственными и муниципальными органами (включая представителей этих органов) в процессе управленческой деятельности последних. Ключевая характеристика сущности этих управленческих отношений как системы взаимодействия людей по вопросам организации их совместной жизни состоит в строгой субординации общественных отношений, которые предполагают авторитет управленческого аппарата и подчинение этой власти.*

В качестве итога отметим, что механизм причинения вреда управленческим отношениям может состоять в таком поведении подчиненного и обязанного субъекта отношения, которым:

– осуществляется вредное физическое или психическое воздействие на представителей властвующего субъекта – уполномоченной стороны (государственных и муниципальных служащих);

– осуществляется воздействие на предметы материального мира (то есть такие предметы управленческой деятельности, которые имеют символический смысл);

– нарушаются субординационные связи отношений «власть – подчинение» путем невыполнения возложенных обязанностей или изменения социального статуса [19, с. 157–164].

Литература

1. Аббасов Ф. Н., Агаев Г. А. Пути совершенствования отдельных норм гл. 32 Уголовного кодекса РФ, предусматривающих ответственность за преступления против порядка управления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2 (46).
2. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: курс лекций. М.: Омега-Л, 2006.
3. Василенко И. А. Государственное и муниципальное управление: учебник для бакалавров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012.
4. Владимирова В. А., Ляпунов Ю. И. Преступления против порядка управления. М.: Юрид. лит., 1966.
5. Глазунова Н. И. Государственное и муниципальное (административное) управление: учебник. М.: Проспект, 2006.
6. Горбухов В. А. Основы социального управления: учеб. пособие. М.: Форум, 2009.
7. Егиазарян Н. А. Преступления против порядка управления в уголовном праве Армении и России (сравнительно-правовое исследование). М.: Контракт, 2013.
8. Кириченко В. Ф. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву (общие вопросы). М.: АН СССР, 1956.
9. Коржанский Н. И. Объект преступления // Энциклопедия уголовного права: в 35 т. Т. 4. Состав преступления / под ред. В. Б. Малинина. СПб.: Изд. проф. Малинина, 2005.
10. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 4 / Н. А. Беляев [и др.]; отв. ред. Н. А. Беляев. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.
11. Курс уголовного права. Особенная часть: учебник. Т. 5. / под ред. Г. И. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002.
12. Лобанова Л. В. Порядок управления как объект уголовно-правовой охраны и классификация преступлений, на него посягающих // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2012. № 1 (16).
13. Мальцев В. В. Учение об объекте преступления: в 2 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. Волгоград: ВА МВД России, 2010.
14. Морозов В. И., Скутин С. Л., Сумачев А. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений против порядка управления: учеб. пособие. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 1999.
15. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления: методологические аспекты. М.: Норма, 2001.
16. Поленов Г. Ф. Ответственность за преступления против управления. М.: Юрид. лит., 1966.
17. Преступления против порядка управления: учеб. пособие / Л. И. Блинова [и др.]; гл. ред. В. Ф. Кириченко. М.: ВШ МВД СССР, 1970.
18. Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления: лекции. М.: Юрлитинформ, 2009.
19. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2015.
20. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник / под ред. Э. Ф. Побегалло. М.: Илекса, 2008.
21. Рудый Н. К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
22. Рябченко О. Н. К вопросу о содержании порядка управления как объекта преступлений // Полицейская и следственная деятельность. 2015. № 4. URL: http://e-notabene.ru/pm/article_18017.html
23. Рябченко О. Н. О проблеме определения объекта преступных посягательств гл. 32 Уголовного кодекса Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. История и право. 2012. № 2 (ч. 1).
24. Рябченко О. Н. Уголовно-правовое обеспечение предметов управленческой деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
25. Сандамиров Б. Ш., Розикзада А. А. Правовые аспекты борьбы с преступлениями против порядка управления // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2009. № 5.
26. Саруханян А. Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь: СКГИ; РПА МЮ РФ, 2003.
27. Словарь по уголовному праву / отв. ред. А. В. Наумов. М.: БЕК, 1997.

28. Советское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В. Д. Меньшагина. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1958.
29. Сурков И. К., Мотин О. А. Самоуправство: уголовно-правовой анализ. Самара: Самар. гуманит. акад., 2007.
30. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М.: ИНФРА-М-Норма, 1998.
31. Уголовное право России: практический курс: учеб-практ. пособие / под общ. ред. Р. А. Адельханяна; под науч. ред. А. В. Наумова. М.: Волтерс Клувер, 2004.
32. Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А. Н. Игнатов, Ю. А. Красикова. М.: Норма, 1998.
33. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015.
34. Уголовное право. Часть Особенная: учебник / под ред. М. И. Ковалева, М. В. Ефимова, Е. А. Фролова. М.: Юрид. лит., 1969.
35. Утевский Б. С. Общее учение о должностных преступлениях. М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948.